

Л. В. Маштакова

**СИМВОЛИСТ В ВОЕННОМ СВЕРДЛОВСКЕ:
ПОЗДНЕЕ ТВОРЧЕСТВО Ю. Н. ВЕРХОВСКОГО
В СВЕТЕ ИДЕЙ ВЯЧ. И. ИВАНОВА И А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-74-81 УДК 94(470.5)“1941/1944”:82.0 ББК 83.3(235.55)+63.3(235.55)622

Статья посвящена научному и поэтическому творчеству Ю. Н. Верховского периода эвакуации в Свердловск (1941–1944). Цель работы — исследовать варианты трансформации идей русского символизма в советской официальной литературе. Материалом для исследования стали поэтическое творчество (сборник стихотворений «Будет так», 1943; стихотворения в периодической печати), статьи, доклады, рецензии Ю. Н. Верховского, а также воспоминания и рецензии его современников. Выдержки из отдельных произведений Верховского 1940-х гг., выходявших в газетах «Уральский рабочий» и «Литературный Урал», анализируются и публикуются впервые. На основании сопоставительного и герменевтического анализа данного материала показано, как идеи о существовании и развитии особого поэтического языка, а также об особой обладающей своими законами «пластической силе», наполняющей и движущей произведение, о преемственности в литературе (жанровой, мотивной), воспринятые поэтом и филологом от А. Н. Веселовского, последовательно развиваются в его статьях и докладах, формируют оригинальную теорию классификации типов поэтического дара («певец», «пластик», «мудрец») и находят практическое применение в уральском литературном материале. Принимая активное участие в уральской литературной жизни, именно здесь Верховский увидел становление обновленной русской/советской классики, преемственной по отношению к «золотому веку» русской литературы и древним классическим образцам. Особое место уделяется личности и творчеству уральского писателя П. П. Бажова в рецепции Верховского. Делается предположение о близости Бажова, с точки зрения концепции Верховского, к символизму. Анализ же корпуса лирики Верховского военных лет показывает, как его эстетические и поэтологические воззрения, дополненные идеями, почерпнутыми в годы ученичества у Вяч. Иванова, находят воплощение в темах, мотивах, формах, к которым он обращается, являя таким образом пример оригинального соединения художественных и философских открытий Серебряного века с актуальными темами и патетикой советской печати.

Ключевые слова: Ю. Н. Верховский, Вяч. Иванов, А. Н. Веселовский, символизм, литература Великой Отечественной войны, Свердловск, литература Урала

Жизнь и творчество филолога, поэта, переводчика Юрия Никандровича Верховского неразрывно связаны с Уралом. В 1918–1921 гг. он состоял профессором на кафедре истории русской словесности Пермского университета, а в 1941–1944 гг. жил в эвакуации в Свердловске, в 1943 г. снова побывал в Перми на конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе». Оба «уральские» периода его творчества были плодотворными: в 1919 г. на страницах газеты «Свободная Пермь» выходили его стихи и рецензия на поэму Вяч. Иванова «Младенчество», в

1940-е гг. он выступал на радио, публиковался в местных газетах («Уральский рабочий», «Литературный Урал»), альманахе («Уральский современник») и сборниках (Говорит Урал. Свердловск: ОГИЗ, 1942; Нижний Тагил. Свердловск: Свердловгиз, 1945), выпустил книгу стихов (Будет так. Свердловск: Свердловгиз, 1943).¹ На первый взгляд, его творчество военных лет находится полностью в русле патриотической советской печати и поэзии 1940-х гг. с характерной эмоциональной лексикой и патетическим зарядом. Эта особенность существенно выделяет произведения свердловского периода в творчестве представителя русского модернизма, филолога и неоклассика. Однако более внимательное отношение к, казалось бы, не выделяющимся на общем фоне произведениям показывает, что ученик А. Н. Веселовского, друг и собеседник Вяч. И. Иванова,

*Маштакова Любовь Владиславовна — к. филол. н., н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: lika170288@mail.ru*

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)» (рук. К. Ю. Лапто-Данилевский)

¹ См. автобиографию поэта: Верховский Ю. Н. Струны: собрание сочинений. М., 2008. С. 898.

участник диспутов на «Башне», Верховский в годы войны продолжал развивать историко-литературные и теоретические идеи, сложившиеся в его творчестве еще в 1910-е гг.

Так, на основании идей Веселовского о развитии жанров, движущей созидательной энергии, наполняющей произведение («пластическая сила») и развитии поэтического языка как некоего самостоятельного явления, обладающего своими особенностями и законами, Верховский создает свою концепцию типов поэтического дара.² Согласно этой концепции, «певцу» или «импровизатору» присущи музыкальность и напевность, «пластику» или «мастеру» — живописность, поэту «мысли и слова» — опора на словесное выражение мысли. Не отрицал он и сочетания разных типов в одном — синтетическом. Последний был окончательно сформулирован Верховским в статье «О символизме Боратынского» (Труды и дни. 1912. № 3) — его ответе на статью Вяч. Иванова «Мысли о символизме» (Труды и дни. 1912. № 1), оформленном сначала в виде личного письма мэтру. В статье «Мысли о символизме» Иванов утверждал способность поэта-символиста «живописать», «петь», знать тайны вещей и увлекать, наставлять слушателя. «Итак, соответственно трем основным силам — три стихии творчества; несомненно — три и несомненно — органически различные», — соглашается с Ивановым Верховский.³ На основании мотивного анализа лирики Боратынского он приходит к парадоксальному, казалось бы, но согласующемуся с идеями Вяч. Иванова выводу — теория символизма имеет обратную силу: «1) Боратынский — поэт символический; 2) он сам сознавал себя таковым».⁴

От классификации по превалирующим методам в поэзии того или иного автора Верховский не отказывается и в последующие годы, посвящая свои работы поэтам пушкинской поры, певцу-Бальмонту,⁵ пластику-Гумилеву⁶ и др.

В 1940-е гг. в Свердловске Верховский знакомится с главным организатором местной литературной жизни — П. П. Бажовым. Не сохранилось каких-либо прямых его суждений о творчестве уральского писателя, однако, по воспоминаниям современников, он отмечал «певучесть» языка Бажова, споря с музыковедом И. Р. Эйгесом, выделявшим бажовское мастерство социального анализа: «Магия превращения простой, бытовой речи уральского рабочего в высокое искусство. А музыка слова? Ведь фраза у Бажова поет...»⁷ Музыка бажовского прозаического сказа, магическая метаморфоза бытовой речи отсылает к древним фольклорным эпическим формам. Как древний сказитель (впрочем, расхожий образ по отношению к Бажову, сложившийся еще при его жизни⁸) предстает уральский писатель в стихотворении «У костра». Слушатели внимают рассказу, а из костра на глазах поднимается Огневушка-поскакушка.

С нами сказки старика

Будто жили в самом деле...⁹

Магия, суггестия сказа и творящееся событие рассказывания особым образом оптимистически перестраивают жизнь причастных (ср. у Иванова «Мысли о символизме»: «Символистов, нет, — если нет слушателей-символистов»)¹⁰ Герой стихотворения спорит с филином, пророчащим беду:

Крепки счастья ковачи.

Ты его не опорочишь,

Зла ему не напророчишь.¹¹

Сходным образом выстраивается сюжет также посвященного Бажову сонета «Клинок уральский — восхищенье глаз...», вдохновленного его сказом «Иванко-Крылатко». Пластическая сила движет сказ Бажова, рождая символический образ клинка с крылатым конем, так что Верховский может в одном терцете связать эту энергию и этот символ с душой народа, со сталью (ее объектное воплощение) и свободой, в том числе творческой.¹²

² См. подробнее о связи типологии с идеями Иванова, о докладе Верховского в Обществе ревнителей художественного слова, о реакции современников, о развитии концепции в трудах Верховского и его современников: Звонова С. А. Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 36–49.

³ Верховский Ю. О Символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ См.: Верховский Ю. Белый зодчий // Кавказское слово. 1914. № 59. 23 нояб.

⁶ См.: Он же. Путь поэта: о поэзии Гумилева // Современная литература. Л., 1925. С. 93–143.

⁷ Скорина Л. На Урале в дни войны // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 407.

⁸ См.: Приказчикова Е. Е. Формирование и функционирование мифа о «дедушке Бажове» в уральской культуре первой половины XX века // Вопросы всеобщей истории. 2021. № 24. С. 312–323.

⁹ Верховский Ю. У костра. П. П. Бажову // Уральский рабочий. 1944. № 25. 28 янв. С. 2.

¹⁰ Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 195.

¹¹ Верховский Ю. У костра. П. П. Бажову.

¹² См. подробнее: Маштакова Л. В. Советский сонет Ю. Н. Верховского: символ крылатого коня, П. П. Бажов и индустриальный Свердловск 1940-х гг. // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 4. С. 155–164.

Фигура Бажова в стихотворениях Верховского становится ключевой, почти символической для литературы военного времени. В его сказах зримо осуществляется связь времен, необходимая в напряженное военное время, могущая объединить его читателей и слушателей, сделать их как бы частью единого героического эпоса. Так, в том же сонете:

Связуя вязью тонкой и богатой
Торжественно-тревожный век двадцатый
И былль веков, обворожая нас...¹³

Язык Бажова подчеркнута «обворожает», то есть магически воздействует на читателя/слушателя. «“Малахитовая шкатулка” явление неповторимое, она могла появиться только здесь, на Урале, и только в наше время»,¹⁴ — сказал Верховский, по воспоминаниям Л. Скорино, имея в виду историческое время, стягивающее все предыдущие события к одному, «торжественно-тревожное», почти мистериальное. Бажов в этом смысле — голос эпохи, «души народа» и ее памяти. «Мастер, мудрец, сказочник» — названа книга воспоминаний о Бажове, составленная В. А. Стариковым (М., 1978), как бы повторяя три ипостаси поэта-символиста, выведенные Вяч. Ивановым в статье «Мысли о символизме»: художник, певец и мудрец.

Тема связи времен и памяти проходит через все творчество Верховского, и научное, и поэтическое, в его разные периоды. Одним из значимых стало для него представление об истории мировой литературы как о целостном процессе, в котором отстоящие друг от друга литературные эпохи становятся связаны (через жанры, сюжеты, мотивы). А. Н. Веселовский объяснял такие связи через метафору народной памяти: «В памяти народа отложились образы, сюжеты и типы... Они где-то в глухой области нашего сознания, как многое испытанное и пережитое, видимо, забытое и вдруг поражающее нас, ...как новизна и вместе старина».¹⁵ Продолжая методы Веселовского в 1910-е гг., Верховский видит И. Крылова наследником римской классики, в частности Горация, больше, чем Лафонтена. От Горация же Верховский выводит специфический тип иронии у Крылова, одновременно соотнося ее с русской народной культурой, как и особую пластическую выразительность его басен.¹⁶ В статье, основанной на мотивном

анализе книги К. Бальмонта «Белый зодчий» (СПб., 1914), Верховский, не вводя творчество поэта в круг современной литературы, сопоставляет его с лирикой Некрасова и снова — с народной культурой, обобщая путь поэта как путь от динамики к статике, от романтизма к классицизму.¹⁷

Однако методы исторической поэтики обеспечивали Верховскому эмпирическую почву не только в зависимом от субъективных интерпретаций материале, но и в аксиологическом смысле: были как бы доказательством связи, неразрывности времен, стали источником его «исторического оптимизма».¹⁸ Это ощущение «неразрывного единства... прошлого с настоящим и через настоящее — с грядущим»,¹⁹ как он писал в вышедшей в 1919 г. в газете «Свободная Пермь» рецензии на поэму Вяч. Иванова «Младенчество» (1918), роднит Верховского с его литературным учителем. По Вяч. Иванову, память дает развитие культуре. В одном из знаковых для XX в. диалогов о культуре, ее настоящем и будущем, «Переписке из двух углов» (1921), Иванов писал: «Память... приобщает истинных служителей своих “инициациям” отцов и, возобновляя в них таковые, сообщает им силу новых зачатий»²⁰ (что, в целом, соотносится с воззрениями на преемственность в литературе А. Н. Веселовского). В нестабильные пореволюционные годы Верховский высоко оценил поэму Иванова «Младенчество» (1918), посвященную первым воспоминаниям детства поэта. Вышедшая в огне Гражданской войны, поэма стала для Верховского свидетельством того, что «нить, органическая нить внутренней, духовной жизни еще не порвана».²¹

Потому, вероятно, для Верховского, исследователя классической литературы и Серебряного века, в 1940-е гг. важно зафиксировать рождение советской классики и включить современные произведения уральских авторов в контекст русской и мировой литературы (снова основываясь на теории эволюции жанров Веселовского). Доклад «Современная уральская поэзия»²² он представил 17 июня 1943 г.

¹⁷ См.: Он же. Белый зодчий.

¹⁸ Звонова С. А., Фоминых Т. Н. Ю. Н. Верховский в газете «Свободная Пермь» // Филолог. 2005. № 7. С. 63–72.

¹⁹ Цит. по: Звонова С. А., Фоминых Т. Н. Указ. соч. С. 71.

²⁰ Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов. М., 2006. С. 42.

²¹ Цит. по: Звонова С. А., Фоминых Т. Н. Указ. соч. С. 71.

²² Полный текст доклада неизвестен. Отдельные его положения сохранились в обзорах участников конференции.

¹³ Там же.

¹⁴ Скорино Л. Указ. соч. С. 407.

¹⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 57.

¹⁶ См.: Верховский Ю. Крылов. К семидесятилетию со дня смерти // Кавказское слово. 1914. № 51. 13 нояб.

на конференции в Молотове (Межобластная научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», 13–21 июля 1943 г.). На материале произведений Н. Куштума, Б. Михайлова, А. Бычкова, Е. Трутневой и др. («разнохарактерные и, вместе с тем, спаянные общей темой Урала стихи», замечает корреспондент газеты «Звезда») ²³ он показывает, как героическая ода, идиллия, сатира, памфлет, баллада и элегия возвращаются в современность, задаются пути формирования новой, но все же классики советской литературы, как восстанавливается связь времен. Критик и литературовед А. С. Ладейщиков (псевдоним А. Камский) в обзоре прошедшей конференции отметил, что в докладе Верховского теоретическая часть, посвященная исторической поэтике, превалировала над практической, а имена молодых «еще не определившихся» поэтов Урала были выдвинуты на первый план вместо уже сложившихся и известных (К. Мурзиди, Н. Куштум, Л. Татьяничева), не был дан общесоветский контекст. ²⁴ Возможно, Верховскому было важно дать срез именно новой, самой молодой литературы. В его собственных стихах и словах, записанных современниками, 1940-е гг. в Свердловске предстают временем творчески активным, дающим энергию и вдохновение. «Ю. Верховский, счастливый, блестя глазами, поднял руку и воскликнул: — Не хочу стареть!» — описывает творческую встречу с поэтом 14 января 1943 г. Скорино. ²⁵

Сам Верховский в 1940-е гг. публикует сонеты, элегии и дистихи, окказионально соединенные с темой войны. «Раньше, знаете, все житейски неотложное отодвигало сонеты. <...> Теперь так надо, правда?» ²⁶ Эта необходимость, своевременность обновленной классики в дни войны подчеркнута звучит и в его последнем прижизненном сборнике стихотворений «Будет так» (Свердловск: Свердловгиз, 1943), и в стихотворениях военного периода, не вошедших в сборник. Он отзывается на главные фронтовые сводки 1943 г., последовательно посвящая стихотворения Севастополю, Харькову, Смоленску, Киеву. Выстраивая героический эпос о народе-освободителе (что в целом соответствует пафосу литерату-

ры и публицистики тех лет), он представляет советскую армию богатырями, сменяющими дружину князя Владимира. ²⁷ Причем важна преемственность не только самой «рати», но и слов, былин, которые о ней слагаются. Так же, как и богатырей и былинных героев, поэтическое слово вводит в вечность самого певца. Особенно эта связь воина и скальда, рапсода подчеркивается в стихотворении «Всходит ли ярко луна на безоблачном небе, — я мыслю...»:

Всходит ли ярко луна на безоблачном небе, —
я мыслю:

В лунную ночь хорошо снайперам нашим
стрелять.

<...>
Солнце ль садится спокойно и близится ночь
величаво, —

Отдыха нашим бойцам как не желать
от души?

Даже не думая, ты ощущаешь глубоко
и просто

С каждой минутой в тылу фронта
дыханье — своим. ²⁸

Певец и боец включены в единое замкнутое мифологическое время, в котором им помогают небо, луна и солнце, а тыл и фронт дышат единым дыханием. Стихотворение, ныне звучащее несколько пародийно, было важно для Верховского, о чем свидетельствует включение его не только в сборник «Будет так», но и в несостоявшийся сборник, собиравшийся Б. Л. Пастернаком и Н. А. Павловичем. ²⁹ Отметим, что хотя такие попытки актуализовать античный метр были редки, Верховский был не одинок: Ю. Б. Орлицкий в связи с этим приводит в одной из работ рядом с Верховским блокадное стихотворение В. Лившица «Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...» / Косоприцельным огнем бил из дворца пулемет) ³⁰ — стихотворение, близкое к лирике Верховского, специалиста в русской поэзии пушкинского времени, не только по форме, но и по аллюзии на «Царскосельскую статуя».

Сходное представление о таинственном единении фронта и тыла реализуется в поэме «Юные герои». В пионерском лагере перед кострами ребята вспоминают героически погибших молодых солдат, и один из пионеров, выделяясь из круга, «заводит песнь»:

²³ На уральской межобластной научно-литературной конференции // Звезда. 1943. № 127. 18 июня.

²⁴ См.: Камский А. Литературная конференция в городе Молотове // Уральский современник. 1944. № 8. С. 94–98.

²⁵ Скорино Л. Указ. соч. С. 408.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Верховский Ю. Киев // Уральский рабочий. 1943. № 232. 10 нояб.

²⁸ Он же. Будет так. Свердловск, 1943. С. 15.

²⁹ См.: Он же. Струны. С. 748.

³⁰ Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. М., 2021. С. 48, 49.

Как бы ведущий дивный хор
 Единым цельным строем —
 Чело пылает, блещет взор —
 Заводит песнь героям.³¹

Костер, объединяющий детей, воплощает ту ситуацию, мистическое переживание которой занимало Вяч. Иванова — исследователя античного театра еще в 1900-е гг. По Иванову, зритель, еще в греческой трагедии постепенно отделившийся от действия и лишенный соучастия, должен был в обновленном театре XX века объединиться с хором: «Организация будущего хорового действия есть организация всенародного искусства, а эта последняя — организация народной души» («Новая органическая эпоха и театр будущего», 1906).³² С 1919 г. Иванов настаивал на плодотворности идеи нового театра для советского коллективного искусства. Именно интересом Иванова к раннесоветскому массовому празднику исследователь Р. Берд объяснял изменение отношений поэта с большевиками: «Важным событием в решении Иванова представляется возникновение и официальное поощрение массовых празднеств, в которых Иванов не мог не видеть отзвука своей давнишней теории о возрождении хоровой драмы».³³ Недолгое очарование советским культурным проектом и последующая эмиграция Иванова дали Б. Зайцеву по этому поводу иронически резюмировать модернистскую идею массового искусства: «Как будто начинали сбываться давнишние его мечты — учение о “соборности”, в конце индивидуализма и замкнутости в себе — но именно только “как будто”. Вот от этой самой соборности он только и мечтал куда-нибудь “утечь”».³⁴ Однако, как нам видится на материале поэмы Верховского, сама идея «театра будущего» продолжала существовать, пусть даже в таких «осколочных» видах, не только на уровне формы, но и идейно-содержательном уровне, мистериальном по сути.

Песня, которую поют пионеры в поэме Верховского и в которой рисуются яркие эпические и эмоционально заряженные сцены военных подвигов, рождает особое чувство причастности, особую тайну и общность участников. Так, поэма Верховского может быть проинтерпретирована одновременно и через

идею хора как мистериального, религиозного и катарсического действия, и через ее своеобразный советский эквивалент — пионерский костер, также символизировавший ритуал, объединяющий участников. В этой связи поэма включена в общесоветский дискурс о пионерах-героях.³⁵

Итак, в поэме из общего хора выделяется корифей, ведущий песню. У этой песни есть свой зачин, истории о погибших героях с собственной фабулой и патетическая концовка:

Та свежих юных сил игра
 Простору запросила
 И кличем радостным «Ура!»
 Окрестность огласила.³⁶

К корифею присоединяется хор в общем радостном кличе, заполняющем пространство вширь и вверх. Подчеркивается его чистота, высота и радость, как бы катарсическая и объединяющая сила.

Родственные, общинные связи между героями стихотворений — вообще отличительная черта военной лирики Верховского. Даже когда стихотворение посвящено конкретному человеку, герой не может мыслиться вне коллективных связей. Так, в стихотворении «Сестра» комсомолка Клава приходит в себя в госпитале и узнает, что в один день вынесла с поля боя пятьдесят раненых. «Незабвенно будет имя КЛАВА: / День такой, ведь, не один прошёл!» — пишет поэт о героине, но заканчивает обобщением: «И сроднит вас будущая слава, / Как сроднил отважный комсомол».³⁷ В стихотворении, приуроченном к освобождению Севастополя, народ коллективно создает единое оружие, булат: «Кует народ, как встарь, своей рукой / Булат единый правды и возмездья».³⁸ Стихотворение было опубликовано в том же номере газеты «Литературный Урал», что и сказ П. П. Бажова «Иванко-Крылатко», и мотивковки всем народом оружия повторится позже в сонете «Клинок уральский — воплощение глаз...», основанном на бажовском экфрасисе крылатого коня (златоустовская

³¹ Верховский Ю. Юные герои // Уральский рабочий. 1943. № 222/223. 29 окт.

³² Иванов В. И. Указ. соч. С. 50.

³³ См.: Берд Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // Русская литература. 2006. № 2. С. 174–189.

³⁴ Зайцев Б. Странное путешествие. М., 2002. С. 235.

³⁵ См., напр.: Литовская М. А. Воюющие дети в русской литературе первой половины XX века // Homo Militaris: Литература войны и о войне. Калуга, 2010. С. 93–99; Савенкова Е. В. Культ пионеров-героев: жертвенный энтузиазм в жанре «Для среднего школьного возраста» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2015. № 1 (17). С. 43–53; «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е–1930-е гг. СПб., 2013.

³⁶ Верховский Ю. Юные герои.

³⁷ Он же. Сестра // Уральский рабочий. 1943. № 215. 19 окт.

³⁸ Он же. Севастополь. Сонет // Литературный Урал. 1943. 6/н. 22 февр.

гравировка на стали). В стихотворении «Рукавички» женщиной-вязальщицей, работающей для фронта, улыбающейся и ясно смотрящей в будущее, оказывается сама Россия, объединяющая сыновей своими подарками-рукавичками, и одновременно за лирическим «ты» — обобщенный образ женщины — матери солдата.³⁹ То же — в стихотворении «Над Москвой»: «Мать тебя благословила / Гневом родины своей».⁴⁰

Схожие мотивы, сводящие пафос советской публицистики 1940-х гг. с поэтикой начала XX в., обнаруживаются и в известном цикле «Ветер войны» (1941–1945) и других стихотворениях военного времени современницы Верховского А. А. Ахматовой. Так, в мини-цикле «С самолета» (1944) героиня прямо соотносит себя со своей страной: «На Родину, глядела. / Я знала: это все мое — / Душа моя и тело»⁴¹ (в более позднем стихотворении 1961 г. «Родная земля» эта метафора усиливается прямым соответствием «ложимся в нее» — «становимся ею»)⁴². Мотивы, связанные с мужеством, стойкостью, силой подчеркивает мотив переплавки из боли («Клятва», 1941); осознание абсолютной уникальности исторического времени сочетается с оптимистической верой в победу не просто страны, но культуры («Мужество», 1942). Близость лирики Верховского и Ахматовой объясняется не только логикой литературы военных лет. Ахматовой Верховский посвятил несколько стихотворений, был знаком с ней лично.⁴³ Творчеству Ахматовой, в частности, поэме «У самого моря», и русской литературе начала XX в. Верховский посвятил лекцию «Самосоздание», прочитанную в Перми в 1919 г.⁴⁴ Как и «Младенчество» Вяч. Иванова, поэма Ахматовой была прочитана Верховским как своеобразный знак в пореволюционной стране — будущего возрождения и страны, и человека. Учитывая неизменность взглядов Верховского, вероятно, подобные мысли могли звучать в его лекции «Русская поэзия и поэты на рубеже XX в. в связи с личными воспоминаниями», которая была два раза прочитана им в военном Свердловске в Союзе писателей

и Уральском университете.⁴⁵ «В сущности, Ахматова выразила одну из новых тенденций, которая стала характерна для поэзии военных лет. Эта тенденция проявилась в ориентации так называемой гражданской, одической лирики на традиции русской истории, легендарной старины, на нетленные ценности отечественной культуры», — заметил по поводу цикла «Ветер войны» Н. Л. Лейдерман.⁴⁶ В русле той же тенденции, и как поэт, и как ученый, находился в годы войны и Верховский.

Идея возрождения через огонь и смерть, нашедшая отражение у Верховского в поэмах «Младенчество» и «У самого моря» в 1919 г., звучит в его лирике и в 1940-х гг. Ее корни — как в публицистике Вяч. Иванова времен Первой мировой войны, так и в более ранних произведениях, репрезентирующих его историко-философскую идею о жертвенной смерти.⁴⁷ «Огнем крестися, Русь! / В огне перебори / И свой Алмаз спаси из черного горнила! / В руке твоих вождей сокрушены кормила: / Се, в небе кормчие ведут тебя цари», — писал Иванов в стихотворении «Цусима» (1905). «Они воскресают, как феникс из пепла. / За городом город отбит у врагов», — пишет Верховский в стихотворении «Смоленск»⁴⁸ на фоне сводок о наступлении советской армии. «Киев златоглавый, Киев стародавний, / К жизни обновленной окрещен огнем» — в стихотворении «Киев».⁴⁹ «Ты одолеешь правдой ложь / И зарево сменишь зарею / Над обновленной землей», — в стихотворении «Москве».⁵⁰ Задается пророческая линия его поздней поэзии, связанная с оптимистической верой в обновление и возрождение страны/народа.

Так, в лирике 1940-х гг. Верховский выстраивает единый миф о народе-победителе, в котором едины фронт и тыл, природа, земля, певец и боец объединены волей к победе, в котором народный хор поет песню о героях, в котором художник не индивидуализируется,

³⁹ См.: Он же. Рукавички // Уральский рабочий. 1942. № 20. 24 янв.

⁴⁰ Он же. Будет так. С. 7.

⁴¹ Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 222.

⁴² Там же. С. 264.

⁴³ См.: Тименчик Р. Д. Из именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: два персонажа из богомолковского списка // Литературный факт. 2021. № 1. С. 362–381.

⁴⁴ См.: Звонова С. А., Фоминых Т. Н. Указ. соч. С. 65.

⁴⁵ Текст доклада неизвестен. Информация о докладах содержится в автобиографии: Верховский Ю. Струны. С. 897.

⁴⁶ Лейдерман Н. Л. От мифов о войне к правде о человеке // Война и литература. 1941–1945. Екатеринбург, 2000. С. 8.

⁴⁷ См. в частности: Мароши В. В. Лирическая ритуализация саможжения в перспективе символистской теургии // Критика и семиотика. 2018. № 1. С. 165–186; Тюрина И. И. Мифологизация современной истории в циклах Вяч. Иванова «Година гнева» и «Песни смутного времени» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2005. Вып. 7. С. 5–19.

⁴⁸ Верховский Ю. Смоленск // Уральский рабочий. 1943. № 199. 26 сент.

⁴⁹ Он же. Киев.

⁵⁰ Он же. Будет так. С. 5.

поскольку его творчество — проявление народного духа. Классические формы, к которым обращается Верховский, создают необходимую преемственность эпох, но вместе с тем подчеркивают напряженность «торжественно-тревожного» времени.

И в поэтическом, и в научном творчестве Верховский продолжает развивать идеи как о непрямой преемственности литературных эпох, где и И. Крылов, и уральский поэт К. Мурзиди могут быть (нерефлексивно) наследниками Горация, так и о том, что симво-

листская поэзия не имеет временных границ, а принципы символизма могут быть распространены и на советскую официальную литературу. Самого Верховского его современник, уральский писатель Б. Рябинин назвал последним символистом,⁵¹ подчеркивая тем самым уникальность положения поэта в советской культуре 1940-х гг., в которой он стал как бы связующим звеном между современностью, классической поэзией, поэзией золотого века пушкинской поры и дореволюционной культурой начала века.

Liubov V. Mashtakova

Candidate of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: lika170288@mail.ru

A SYMBOLIST IN WARTIME SVERDLOVSK: YURY N. VERKHOVSKY'S LATE WORKS IN THE LIGHT OF THE IDEAS OF VYACH. I. IVANOV AND A. N. VESELOVSKY

The article is devoted to Yury N. Verkhovsky's scientific and poetic works of the period of the Great Patriotic war evacuation to Sverdlovsk (1941–1944). Its goal is to explore the options for transforming the Russian symbolism ideas in Soviet official literature. The material for the study includes poetry (the collection of poems *Budet Tak* [It Will Be So], 1943; poems published in the press), articles, reports, reviews by Verkhovsky and a memoirs and reviews of his contemporaries. Some excerpts from Verkhovsky's works published in the newspapers *Uralsky Rabochiy* [The Ural Worker] and *Literatyrny Ural* [Literary Ural] are analyzed and re-published for the first time. Based on a comparative and hermeneutic analysis of this material, it is shown that the ideas of the presence and development of a special poetic language, and of a special “plastic force” that filling and driving a work, and of a continuity in literature (genre, motif), which were perceived him from the poet and philologist Aleksander N. Veselovsky, were consistently developed in his articles and reports and formed an original theory of the classification of types of poetic creativity (“the singer”, “the plastic artist”, “the sage”) and found practical application on the Ural literary material. Taking an active part in the literary life of the Urals, Verkhovsky saw there the formation of a renewed Russian/Soviet classics, successive in relation to the “Golden age” of Russian literature and ancient classical examples. A special place is given to the personality and work of the Ural writer Pavel P. Bazhov in the reception of Verkhovsky. A hypothesis is made about the closeness of Bazhov, from the point of view of Verkhovsky's concept, to symbolism. An analysis of the corpus of Verkhovsky's wartime lyrics shows how his aesthetic and poetological views, supplemented by ideas which were perceived him during the years of apprenticeship with Ivanov, were embodied in the themes, motifs, forms that he used, showing, thus, an example of an original combination of artistic and philosophical discoveries of the Silver Age with current themes and pathos of the Soviet press.

Keywords: *Yury N. Verkhovsky, Vyacheslav I. Ivanov, Aleksander N. Veselovsky, Russian symbolism, literature of Great Patriotic war, Sverdlovsk, Ural literature*

REFERENCES

- Bird R. [Vyach. Ivanov and Mass Festivities of the Early Soviet Era]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2006, no. 2, pp. 174–189. (in Russ.).
- Ivanov V. I. *Rodnoye i vselenskoye* [Native and Universal]. Moscow: Respublika Publ., 1994. (in Russ.).
- Ivanov V., Gershenson M. *Perepiska iz dvukh uglov* [Correspondence from Two Corners]. Moscow: Vodoley Publ., 2006. (in Russ.).

⁵¹ См.: Рябинин Б. С. Ушедшее — живущее: книга воспоминаний. М., 1985. С. 97.

Leiderman N. L. [From Myths about War to the Truth about Man]. *Voyna i literatura. 1941–1945* [War and Literature. 1941–1945]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2000, pp. 5–19. (in Russ.).

Litovskaya M. A. [Fighting Children in Russian Literature of the First Half of the 20th Century]. *Homo Militaris: Literatura voyny i o voyne. Istoriya, mifologiya, poetika* [Homo Militaris: Literature of War and about War. History, Mythology, Poetics]. Kaluga: KGU im. K. E. Tsiolkovsky Publ., 2010, pp. 93–99. (in Russ.).

Maroshi V. V. [Lyrical Rite of Self-Immolation in Russian Symbolist Theurgy]. *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], 2018, no. 1, pp. 165–186. DOI: 10.25205/2307-1737-2018-1-165-186 (in Russ.).

Mashtakova L. V. [Yury Verkhovsky's Soviet Sonnet: the Winged Horse Symbol, Pavel Bazhov and the Industrial City of Sverdlovsk in the 1940s]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 155–164. DOI: 10.26170/FK20-04-15 (in Russ.).

Orlitskiy Yu. B. *Stikhoslozheniye noveyshey russkoy poezii* [Versification of the Latest Russian Poetry]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK Publ., 2021. (in Russ.).

Prikazchikova E. E. [Formation and Functioning of the Myth about “Grandfather Bazhov” in the Ural Culture of the First Half of the XX Century]. *Voprosy vseobshchei istorii* [Questions of World History], 2021, no. 24, pp. 312–323. DOI: 10.26170/2413-872X_2021_24_29 (in Russ.).

Savenkova E. V. [The Cult of the Pioneer Heroes: the Sacrificial Enthusiasm in the Genre “For Secondary School Age”]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2015, no. 1 (17), pp. 43–53. (in Russ.).

Timenchik R. D. [From the Index to Akhmatova's Notebooks: Two Persons from Bogomolov's List]. *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2021, no. 1, pp. 362–381. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-19-362-381 (in Russ.).

Tyurina I. I. [Mythologization of Modern History in Vyach. Ivanov's Cycles “Year of Wrath” and “Songs of the Time of Troubles”]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue]. Tomsk: TomGU Publ., 2005, iss. 7: Versions of History in the Literature of the 20th Century, pp. 5–19. (in Russ.).

Verkhovsky Yu. [The Poet's Path: about Gumilyov's Poetry]. *Sovremennaya literatura. Sb. statey* [Modern Literature. Collection of Articles]. Leningrad: Mysl' Publ., 1925, pp. 93–143. (in Russ.).

Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989. (in Russ.).

Zaitsev B. *Strannoye puteshestviye* [A Strange Journey]. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002. (in Russ.).

Zvonova S. A. *Tvorchestvo Yu. N. Verkhovskogo v istoriko-kul'turnom kontekste pervoy treti XX veka: kand. diss.* [Yu. N. Verkhovsky's Work in the Historical and Cultural Context of the First Third of the 20th Century: Diss. Cand.]. Perm, 2006. (in Russ.).

Zvonova S. A., Fominykh T. N. [Yu. N. Verkhovsky in the Newspaper “Free Perm”]. *Filolog* [Philologist], 2005, no. 7, pp. 63–72. (in Russ.).

“Ubit' Charskuyu...”: *paradoksy sovetskoy literatury dlya detey, 1920-ye – 1930-ye gg.* [“To Kill Charskaya...”: Paradoxes of Soviet Literature for Children, 1920s–1930s]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2013. (in Russ.).

Для цитирования: Масштакова Л. В. Символист в военном Свердловске: позднее творчество Ю. Н. Верховского в свете идей Вяч. И. Иванова и А. Н. Веселовского // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 74–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-74-81.

For citation: Mashtakova L. V. A Symbolist in Wartime Sverdlovsk: Yury N. Verkhovsky's Late Works in the Light of the Ideas of Vyach. I. Ivanov and A. N. Veselovsky // Ural Historical Journal, 2023, no. 3 (80), pp. 74–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-74-81.